

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

УСПЕНСКИЙ Б. А.

ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ГРАММАТИК РУССКОГО ЯЗЫКА

(Грамматика Жана Со́йе 1724 г.)

1. Доломоновские описания русского языка крайне немногочисленны, и все они представляют исключительный интерес [1, 2]. Как правило, они написаны на иностранных языках и предназначены для иноязычного читателя, практически заинтересованного в описании живой разговорной речи, а не книжных языковых норм. Рассматриваемая грамматика, датированная 1724 годом, не является исключением к этому правилу: она написана по-французски. Рукопись этой грамматики хранится в отделе манускриптов парижской Национальной библиотеки под шифром: Slave 5; на ее титульном листе значится: «Grammaire et Methode Russes et Françaises. Composées et écrites à la main par Jean Sohier Interprete en Langues Esclavonne, Russe et Polonnoise dans la Bibliotheque du Roy. divisées en deux parties. l'année 1724». Это объемистый труд: описание русского языка занимает здесь в общей сложности около девятисот страниц! Более ста лет назад эту рукопись описал И. М. Мартынов [3]; упоминание о данной грамматике можно найти у И. Добровского [4], а также у некоторых других авторов, которым она была известна из вторичных источников (Добровский ошибочно считал эту грамматику руководством по церковнославянскому языку). Как это ни странно, данная грамматика осталась вне поля зрения исследователей.

Автором нашей грамматики является Жан Со́йе или *Согиер*, как он сам себя именует (Jean Sohier или Soyer), переводчик церковнославянского, русского и польского языков в Королевской библиотеке; как явствует из титульного листа, рукопись представляет собой автограф Со́йе. О личности Со́йе, к сожалению, очень мало известно. Сведений о нем нет ни в биографических словарях, ни в трудах, посвященных истории Национальной (бывшей Королевской) библиотеки. А. Мазол посвятил ему несколько строк в примечании к одной из своих статей [5], и это, кажется, все, что можно найти о нем в литературе. Из посвящения аббату Биньону (Jean-Paul Bignon), помещенного в начале данной рукописи, мы узнаем, что Со́йе был удостоен места переводчика церковнославянского, русского и польского языков в Королевской библиотеке за три года до написания своего труда, т. е. в 1721 г., причем, вступая в эту должность, он обязался за короткое время изучить русский язык с помощью церковнославянского; церковнославянский язык, очевидно, был ему к тому времени уже в какой-то мере известен (л. Dv—E). Здесь же говорится, что данная грамматика — она представляет собой своего рода отчет о проделанной ра-

боте — писалась в течение двух лет, т. е. в 1723—1724 гг. (л. Ев—F)¹. Её написанию предшествовала предварительная работа по сбору материала, которая велась, таким образом, в 1721—1722 гг. Аббат Биньон, которому Соёе посвятил свой труд, совмещал обязанности президента парижских Академий с должностью королевского библиотекаря — Королевская библиотека находилась в его ведении с 1719 г., и именно при нем начинается служба переводчиков [6]; должность переводчика церковнославянского, русского и польского языков была учреждена при этом в 1720 г. [5]. 12 января 1725 г. Биньон передал грамматику Соёе в библиотеку (см. запись в журнале аббата Журдена [l'abbé Jourdain], секретаря библиотеки [7]), где она с тех пор и хранится. Знаменательно, что в это же время — именно в январе 1725 г. — Соёе получает повышение и занимает должность первого переводчика церковнославянского, русского и польского языков, тогда как ранее он был вторым переводчиком [5]. Это совпадение, по-видимому, не случайно: можно предположить, что грамматика сыграла роль квалификационного труда, который обусловил продвижение в должности её автора².

2. Грамматика Соёе предваряется посвящением (на русском и французском языках) и предисловием (на французском языке), которые объединяются общей буквенной фолиацией (л. А—L). Описание языка состоит из двух частей, каждая из которых имеет особую пагинацию: первая часть, озаглавленная «Grammaire Russe et Française», занимает 453 страницы, вторая часть под названием «Methode Russe Française» — 432 страницы³. В дальнейшем при ссылках мы будем обозначать номер части римской цифрой, номер страницы — арабской; таким образом, обозначение «I, 117» относится к 117 странице I части, обозначение «II, 32» — к 32 странице II части и т. п.

В посвящении автор говорит о необходимости изучения русского языка. Соёе выражает опасение, что французы отнесутся к его труду как к бессмысленному, полагая, что русский язык совершенно бесполезен («je m'attens que les François me regarderont comme un visionnaire, d'écrire dans une langue, dont ils croient ne pouvoir tirer aucun avantage» — л. В—С). Он протестует против такого мнения, подчеркивая, что он предлагает французскому читателю изъяснение «языка нужного, которого обучением можно содержать пристойную корреспонденцию, также вы-

¹ Подтверждение этой даты находим в начале грамматики, в разделе, посвященном рассмотрению азбуки. Обсуждая числовые значения кириллических букв, Соёе замечает, что «нынешний год» («l'année presente») записывается «лкт — 1723 (ч. I, с. 8).

² Как нам удалось установить, копией грамматики Соёе является анонимная грамматика XVIII в. из библиотеки Арсенала, озаглавленная «Grammaire Russe»; рукопись этой грамматики хранится в том же отделе манускриптов Национальной библиотеки под шифром: Arsenal 8801. Сопоставление обеих рукописей обнаруживает лишь незначительные разночтения. В списке Арсенала отсутствуют посвящение и предисловие; вместе с тем, эта копия не закончена — она покрывает менее половины первой части нашей грамматики.

Нет никакого сомнения в том, что данная копия была снята непосредственно с той рукописи, которая исследуется в настоящей работе, т. е. с автографа Соёе (подписного экземпляра, предназначенного для аббата Биньона). С одной стороны, здесь, как правило, учтены те исправления, которые Соёе вносит в свой текст (будь то вставки или вычеркивания). С другой же стороны, в конце последней (99-й) страницы рукописи Арсенала в левом нижнем углу значится в скобках цифра 180; при этом данная страница соответствует именно 180 странице основного списка (автографа Соёе) — очевидно, таким образом, что переписчик, прервав свою работу и рассчитывая ее продолжить, пометил для себя, на каком месте он остановился.

³ Как видим, сам Соёе именует «грамматикой» лишь первую часть своего сочинения; мы же вкладываем в этот термин более широкий смысл и, соответственно, называем «грамматикой» все сочинение Соёе.

разумѣть книги» («une langue necessaire pour la correspondance et l'intelligence des livres» — л. Fv—G). Со́йе при этом отдает себе отчет в разнице между «языком Славенским» («la langue Esclavonne») и «Россійским диалектом» («la dialecte Russe» — л. Dv—E); свою задачу он видит в том, чтобы определить правила, позволяющие «чисто и исправно писать» («écrire correctement») по-русски (л. Bv—Cv). Итак, в посвящении речь идет о достоинстве и норме русского языка как языка литературного.

Но что понимать под русским литературным языком? каково его отношение к церковнославянскому языку и к русской живой речи? Эти вопросы специально рассматриваются в предисловии к грамматике, где содержится любопытная характеристика русской языковой ситуации начала XVIII в. Здесь сообщается, что в России диалектный язык («язык провинций») отличается как от языка, принятого при дворе ⁴, так и от канцелярского, приказного языка: в России пишут не так, как говорят, и говорят не так, как пишут («...le langage de ces Provinces [перед этим перечислялись районы, где употребляется русский язык] est bien different de celui de la Cour, et le stile dont se servent les Russes dans leurs Chancelleries, est aussi bien different du langage de ces peuples, et de celui dont ils se servent eux-mêmes en parlant, en sorte qu'ils écrivent autrement qu'ils ne parlent, et parlent autrement qu'ils n'écrivent» — л. H—Hv).

Со́йе видит свою задачу в том, чтобы описать именно этот канцелярский — или, если угодно, письменный русский (не церковнославянский!) язык, — который, по его мнению, необходим не только для того, чтобы писать и, в частности, вести корреспонденцию, но также и для того, чтобы понимать книги («C'est donc du stile de Chancellerie que j'ay entendu traiter icy, et donner des regles dans ma Grammaire et dans ma Methode, comme étant le seul le plus utile, et le plus necessaire à sçavoir pour l'écriture, la correspondance, et l'intelligence des livres» — л. Hv). Итак, речь идет о литературном языке, на котором пишутся книги и на котором в то же время ведется делопроизводство. Этот язык характеризуется как «изящный и энергичный», причем подчеркивается, что он «отнюдь не черпает своей силы в диалекте», но «заимствует всю свою красоту и энергию из церковнославянского языка» — так, что в России «невозможно писать по-русски, не зная церковнославянского языка» («Ce stile de Chancellerie est un stile elegant et energique, qui ne tire rien de sa force de la dialecte, mais qui emprunte toute sa beauté et son energie de la Langue Esclavonne; en sorte qu'on ne peut bien écrire en Russien sans le secours de la Langue Esclavonne» — л. Hv—I). По утверждению Со́йе, литературный язык в России в принципе отличается от разговорного: «по-русски можно плохо говорить и в то же время хорошо писать, и напротив — хорошо говорить, но при этом плохо писать; и подобно тому, как смешно говорить по-русски так, как пишут, точно так же смешно и писать так, как говорят. Итак, есть огромная разница между тем, как говорят и как пишут по-русски: в одном случае употребляется обычная народная речь, в другом — особая речь ученых и грамотных людей; первую можно назвать собственно диалектом, вторую — языком, ввиду ее соотнесенности и сходства с церковнославянским...» («On peut mal parler, et bien écrire en Russien, comme on peut bien parler, et mal écrire en Russien: et comme il est ridicule de parler Rusien comme on l'écrit, il est de même de l'écrire comme on le parle. Il y a

⁴ Упоминание языка двора едва ли отражает языковую реальность: скорее всего, это дань французской стилистической традиции, связанной прежде всего с именем Воже́ла (C. F. de Vaugelas).

donc une grande difference entre parler Russien et l'écrire; l'un est le langage ordinaire du pais, et l'autre est le stile des Savans et des gens de lettres: le premier est ce qu'on appelle proprement dialecte, et le dernier qu'on peut appeller Langue, par rapport à sa conformité avec la Langue Esclavonne...» — л. I—IV.). В соответствии со сказанным, изучение русского литературного языка предполагает определенное знакомство с церковнославянским, без помощи которого, по мнению Соёе, невозможно хорошо писать по-русски («Il faut par consequent, avant d'apprendre la Langue Russe, avoir quelque connoissance de sa Mere Langue [имеется в виду церковнославянский], sans le secours de laquelle il n'est pas possible de venir jamais à bout de faire aucuns progrez dans la Langue Russe, et encore moins de se mettre en état d'écrire bien en stile de Chancellerie» — л. IV). Отмечая принципиальную разницу между письменным и разговорным — или, если угодно, литературным и нелитературным — русским языком, Соёе оговаривает возможность в каких-то случаях приводить в своей грамматике примеры из разговорной, диалектной речи, поскольку они могут служить для иллюстрации тех или иных грамматических правил: «Quoy-que mon dessein n'ait été en composant ma Grammaire et ma Methode. que d'écrire en stile de Chancellerie, je n'ay pas laissé de rapporter quelquefois des exemples un peu triviales, et du bas stile de la dialecte, dont on se sert en parlant, parceque les regles, que je donnais, le demandoient, et m'y conduisoient insensiblement, et qu'il n'est pas non plus hors de propos de savoir en passant un peu de la dialecte par occasion de sa Mere Langue» — л. Kv — L).

Одновременно Соёе, как мы уже знаем, вполне отдает себе отчет в различиях между церковнославянским и русским языком: его грамматика — это именно грамматика русского литературного языка, поскольку он противопоставляется церковнославянскому. Характерно, между прочим, что русский почерк Соёе, по его признанию, обусловлен стремлением имитировать новую, гражданскую печать («l'impression moderne des Russes» — л. Jv) гражданская азбука естественно ассоциируется вообще именно с русским, а не с церковнославянским языком.

Итак, русский литературный язык оказывается противопоставленным у Соёе как церковнославянскому, так и разговорному языку. Это язык прежде всего письменный по своей функции, на нем пишутся как документы, так и книги. Он именуется канцелярским, но, в сущности, это литературный язык, призванный конкурировать с церковнославянским (с которым он при этом генетически связан).

Характеристика русской языковой ситуации у Соёе восходит к Лудольфу (ср. характеристику русской языковой ситуации в предисловии к грамматике Лудольфа [8, л. A — A/3v]), однако здесь обнаруживается и существенное отличие. В самом деле, Лудольф не ставил перед собой задачи описания литературного языка: русский язык рассматривается им прежде всего как средство устной коммуникации, и он специально подчеркивает, что описывает разговорный язык [8, л. A/1v, A/2v]. Соёе же, как мы видели, неоднократно говорит о чистоте, правильности, изяществе русской речи, он обсуждает именно н о р м у русского языка как языка литературного, письменного⁶. Соответственно, например,

⁶ Не случайно в посвящении Соёе выражает опасение, что русские отрицательно относятся к его труду, поскольку он, иноземец, берется описывать норму их языка: «России [sic!] меня за безумного почтутъ, въ такомъ намѣреній бутъ бы они имѣли штъ меня якъ штъ мастера того самого дѣла сего языка учиться, котораго должны безъ всякого сомнѣнія лучше нежели я выразумать» («les Russes me traitteront de ridicule, de m'ériger en Grammairien qui veut leur apprendre une langue, qu'ils doivent sans doute mieux savoir que moi» — л. Bv — C).

описывая склонение прилагательных и местоимений, Со́е замечает, что форму род. падежа муж. и ср. рода следует писать с церковнославянским окончанием *-го* при том, что в разговоре произносится *-во*, т. е. предписывается писать *такого*, *лукавого*, хотя в соответствии с произношением следовало бы писать *таково*, *лукаово* (I, 52, ср. 54 сл., 90 сл.)⁶. Между тем Лудольф дает только формы на *-во* (*бѣлово*, *моєво* [8, с. 19, 22 сл.]), поскольку они ближе к разговорному произношению. Формы на *-во* Лудольф считает русскими, а соответствующие формы на *-го* — церковнославянскими (ср.: Slav. *такого* — Russ. *таково*; Slav. *единного* — Russ. *одново* [8, с. 5]); Со́е же квалифицирует и те и другие формы как русские, но противопоставляет их как книжные (литературные) и разговорные. Это всего один пример, но он достаточно показателен: Со́е, как видим, в принципе ставит перед собой задачу ко д и ф и к а ц и и русского литературного языка. Можно предположить, что различие в позициях, которые занимают Лудольф и Со́е по отношению к русскому языку, обусловлено изменениями русской культурной и языковой ситуации: грамматику Со́е отделяет от грамматики Лудольфа четверть века (чуть больше), однако эта четверть века очень значительна — Лудольф писал свою грамматику в начале Петровской эпохи, грамматика Со́е была написана в ее конце. Во времена Лудольфа литературным языком был еще язык церковнославянский, но в петровское время появляется новый литературный язык, противопоставляющий себя церковнославянскому [9]⁷. Этот новый литературный язык в той или иной степени может ассоциироваться с приказным языком [9], и, может быть, именно поэтому Со́е склонен отождествлять русский литературный язык с языком канцелярий (*le stile de Chancellerie*)⁸. Итак, мы вправе, по-видимому, видеть в грамматике Со́е отражение петровских реформ.

3. В предисловии к своей грамматике Со́е дает понять, что его труд совершенно оригинален; он заявляет, что ему не удалось обнаружить грамматики церковнославянского или русского языка, которой он мог бы воспользоваться при систематизации языкового материала, и ему пришлось проделать всю работу самостоятельно (л. Jv — K). Это заявление не соответствует действительности. Мы знаем по крайней мере одно грамматическое руководство, которое, несомненно, было в его распоряжении, — это грамматика Лудольфа. Мы уже говорили, что предисловие к грамматике Со́е обнаруживает знакомство с Лудольфом. Еще в большей степени это проявляется в первой части нашей грамматики, которая испытывает самое непосредственное влияние грамматики Лудольфа — в целом ряде случаев изложение Со́е представляет собой прямой перевод соответствующих фрагментов из Лудольфа. Это дает повод некоторым авторам утверждать, что грамматика Со́е — это просто-напросто перевод грамматики Лудоль-

⁶ Само собой разумеется, что формы *таково*, *лукаово* лишь относительно отвечают разговорному произношению — они соответствуют ему постольку, поскольку дело касается консонантизма, а не вокализма, однако именно качество согласного оказывается релевантным в данном случае.

⁷ Действительно, если Лудольф знал всего одну печатную книгу на русском языке — «Уложение» 1649 г. [8, л. A/1v], — то Со́е имел в своем распоряжении целый ряд таких книг. Со́е замечает в предисловии, что его описание основывается на анализе определенного корпуса текстов, состоящего из печатных и рукописных русских книг (л. K). Надо полагать, что, говоря о печатных изданиях, Со́е имеет в виду книги гражданской печати.

⁸ Здесь уместно отметить, что формы прилагательных на *-ого*, которые кодифицирует Со́е (*лукаово* и т. п.), соответствуют именно норме приказного языка: окончание *-ого* в приказном языке было противопоставлено окончанию *-аго* в церковнославянском [10, с. 153; 11, с. 61, примеч. 1).]

фа (см., например [12]). Так могут думать лишь те, кто не видел нашей грамматики. Достаточно сказать, что вторая часть грамматики Со́е является собой самостоятельный труд, совершенно независимый от Лудольфа; однако даже и первая часть нашей грамматики, ближайшим образом связанная с Лудольфом, совсем не всегда его повторяет и в целом должна считаться п е р е р а б о т к о й грамматики Лудольфа, а не ее переводом.* Со́е всячески стремится дополнить Лудольфа, и в целом ряде случаев он дает новую информацию, которая у Лудольфа отсутствует. Повторение того, что говорит Лудольф, может быть чисто автоматическим, но отступление от него — всегда сознательно и значимо; в этих условиях нас должно интересовать прежде всего не сходство, а различие, т. е. именно эти сознательные отступления.

Что же нового дает Со́е (в первой части своей грамматики) по сравнению с Лудольфом? Переработка коснулась как грамматической систематизации, так и самого языкового материала.

Так, например, Со́е выделяет двадцать склонений, тогда как у Лудольфа их пять; при этом число склонений у Лудольфа определяется церковнославянской грамматической традицией, тогда как Со́е основывается не на традиции, а на анализе языковых данных. Оба автора специально оговаривают свой подход. Лудольф говорит в своей грамматике: «Мы сохранили здесь число и порядок склонений, какое существует в церковнославянской грамматике, так как всегда приходится обращаться к церковнославянской грамматике по поводу трудных слов, мало употребительных в обычной речи» («Retinuimus igitur numerum & ordinem Declinationum, qui in Grammatica Slavonica extat, quoniam in vocabulis difficilibus & in communi sermone parum usitatis ad Grammaticam Slavonicam semper recurrendum est» [8, л. 11, ср. л. A/2v]). Между тем Со́е заявляет иное: «Я придерживался такого порядка и числа склонений, который показался мне наиболее подходящим; в случае же трудных слов, мало употребительных в русском языке и не подпадающих под данные правила, необходимо обращаться к церковнославянской грамматике» («j'ay observé pour les déclinaisons l'ordre et le nombre qui m'a paru le plus convenable; et pour les mots difficiles qui sont peu en usage dans la dialecte Russe, et qui ne peuvent être réduits à ces règles-cy, il faut absolument avoir recours à la grammaire Esclavonne» — I, 16; ср. еще предисловие, л. К, где Со́е говорит, что классификация склонений и спряжений основывается у него на анализе имевшегося в его распоряжении корпуса русских текстов). На этом примере хорошо видна как общая зависимость Со́е от Лудольфа, так и относительная самостоятельность его подхода. Равным образом, если Лудольф выделяет три времени (настоящее, прошедшее и будущее), то у Со́е мы находим четыре времени — прошедшее время разделяется им на «перфект» и «имперфект» (I, 116—118); подробнее об этом будет сказано ниже.

В тех случаях, когда Со́е сохраняет классификационные схемы Лудольфа, он нередко наполняет их новым языковым материалом: так, например, первое склонение у Со́е (I, 34—36) соответствует первому склонению у Лудольфа [8, с. 15—16], однако Со́е не повторяет пример Лудольфа, а предпочитает привести парадигму другого слова. В тех же случаях, когда Со́е приводит парадигму того же слова, что и Лудольф, он может давать другие формы этого слова: ср., например, парадигму слова *городъ* у Со́е (I, 38—39) и у Лудольфа [8, с. 16] — форме *городомъ* (дат. мн.) у Лудольфа соответствует форма *городамъ* у Со́е; там, где Лудольф дает одну форму *городехъ* (местн. мн.), Со́е приводит варианты формы *го-*

родехъ и городахъ. В целом можно сказать, что парадигмы у Сойе достаточно самостоятельны — мы видим, что он вовсе не стремится копировать Лудольфа, даже в тех случаях, когда он имеет такую возможность.

Мы говорили о принципах организации языкового материала. Но что нового дает Сойе (по сравнению с Лудольфом) в трактовке этого материала? Начнем с фонетики и орфографии, т. е. тех уровней, в которых наиболее наглядно проявляется языковая норма.

В фонетическом плане представляет интерес указание на двоякое произношение буквы *g*, которая соотносится с латинскими *g* и *h* (I, 3), т. е. эта буква, согласно Сойе, может читаться и как смычный, и как фрикативный согласный. Лудольф, между тем, соотносит букву *g* только с латинской *g*, т. е. приписывает ей исключительно смычный характер [8, с. 6]. Это различие вполне понятно, если иметь в виду, что Лудольф описывает разговорное произношение, тогда как Сойе претендует на описание произношения литературного (см. выше): действительно, в книжном произношении, находящемся под влиянием церковного чтения, данной букве соответствовал фрикативный заднеязычный [13].

Орфографические рекомендации Сойе могут опережать свое время: в ряде случаев его орфография фиксирует норму, которая позднее становится общепринятой. Обратимся например, к правописанию прилагательных. Мы уже упоминали, что Сойе рекомендует писать окончание *-го* в формах род. падежа муж. и ср. рода (*такого, лукавого*) прилагательных и местоимений, одновременно указывая, что эти формы произносятся с окончанием *-во* (*таково, лукавово*) (I, 52 сл.). Нельзя не заметить, что эта рекомендация соответствует принятой сейчас норме правописания. Для прилагательных им. падежа муж. рода Сойе дает окончания *-ый* и *-ой* (*лукавый, строгий* — I, 51), тогда как у Лудольфа встречаем только формы на *-ои* (*бѣлои, доброи, высокои* и т. п. [8, с. 19—20]): при этом русские формы на *-ои* противопоставлены у Лудольфа церковнославянским формам на *-ии* (ср. *седьми* — там же). Как видим, Сойе допускает в рамках русского литературного языка как русское, так и церковнославянское окончание (подобно тому, как он кодифицирует, например, книжное и разговорное произношение буквы *g*) — выбор того или иного окончания определяется, по-видимому, стилистической принадлежностью слова; можно сказать, что Сойе кодифицирует славянизмы в русском литературном языке. Подобный подход характерен в дальнейшем для Ломоносова, который также фиксирует в своей «Российской грамматике» (в § 161) варианты окончания *-ый* и *-ой* [14, с. 462—463], и затем в академической грамматике 1802 г. [15] и т. п.

Актуальный для XVIII в. вопрос о правописании прилагательных в им. падеже мн. числа (этот вопрос вызывал бурные споры, поскольку различные его решения были обусловлены ориентацией на русскую или, напротив, на церковнославянскую языковую стихию [16]) получает у Сойе решение, которое станет впоследствии нормативным в литературном языке. Сойе выделяет формы муж. рода с окончанием *-е*, противопоставляя их формам жен. и ср. рода с окончанием *-я* (муж. *лукавые* — жен. и ср. *лукавыя*; муж. *строгие* — жен. и ср. *строгия*; и т. п. — I, 54—59); между тем Лудольф дает тройное противопоставление, относительно близкое к церковнославянскому: муж. *бѣлые* — жен. *бѣлиа* — ср. *бѣла* [8, с. 19]. Правописание прилагательных в им. падеже мн. числа, которое кодифицирует Сойе, закрепляется в дальнейшем орфографическими правилами 1733 г. и вслед за тем фиксируется в грамматике Адодурова 1738—1740 гг. [12, с. 31—34]; эта орфографическая норма оказалась очень устойчивой и со-

хранилась вплоть до реформы 1917—1918 гг. [17]. Замечательно, что Тредиаковский и Ломоносов считали, что данная орфографическая норма вводится лишь правилами 1733 г. [18; 19; 14, с. 87], по-видимому, не подозревая о том, что такое правописание существовало и раньше. Грамматика Соие — это первое грамматическое руководство, где фиксируется данная норма.

Уже из приведенных примеров видно, что Соие нередко дает параллельные, вариантные формы, соотносимые с церковнославянской и с русской языковой стихией. Морфологическая вариативность такого рода очень наглядно представлена в парадигмах, приводимых в нашей грамматике. Так, мы встречаем здесь формы *городехъ* и *городахъ* (местн. мн.), *сердцовъ* и *сердцъ* (род. мн.), *папугаѣхъ* и *папугаѣхъ* (местн. мн.), *христѣи* и *христѣи* (им. мн.), *христѣи* и *христѣи* (местн. мн.), *карабѣи* и *карабѣи* (твор. мн.), *уничижени* и *уничижени* (род. мн.), *божѣи* и *божѣи* (род. ед.), *бѣдной* и *бѣднѣи* (род. ед.) и т. п. (I, 39, 43, 45, 48, 49, 52, 53) ⁹. Вариативность форм предстает у Соие как последовательно проводимый принцип кодификации русского языкового материала. Подобная вариативность в особенности характерна для вин. падежа мн. числа; Соие может давать здесь параллельные формы, одна из которых совпадает с формой им. мн., а другая — с формой род. мн.: *капли* и *капель*, *анатомѣи* и *анатомѣи*, *судѣи* и *судѣи*, *папугаи* и *папугаевъ*, *христѣи* и *христѣи*, *карабѣи* и *карабѣи* (I, 35, 37, 38, 43, 45, 48), ср. также *роды* и *родъ* (I, 42), где форма *родъ*, в сущности, также омонимична форме род. мн., хотя Соие приводит для род. мн. форму *родовъ*, а не *родъ*. Рекомендации Соие безусловно неправильны, однако и в этом случае они обусловлены стремлением объединить в рамках русского литературного языка церковнославянские и русские формы ¹⁰.

⁹ Если Лудольф дает для местоимения *она* такие формы вин. падежа ед. числа, как *ю*, *неа* [8, с. 22], то Соие, приводя эти же формы, указывает еще и форму *ее* (I, 89); при этом форма вин. ед. *ее* противостоит у Соие форме род. ед. *еѣ*, которая у Лудольфа отсутствует.

¹⁰ В самом деле, Соие явно не разобрался в категории одушевленности. Он отмечает, впрочем, что эта категория проявляется в вин. падеже ед. числа (I, 40, 44), и этими сведениями он обязан Лудольфу (ср. [8, с. 16, 19]). Сведения Лудольфа, в свою очередь, восходят к грамматике Смотрицкого, где об одушевленности говорится только применительно к формам ед. числа [20, л. Д/7v; 21, л. 105]. Соответственно, у Смотрицкого форма вин. мн. не совпадает с формой род. мн. (ср.: вин. ед. *того клеветѣи* — вин. мн. *тѣмъ клеветѣи* и т. п.). На этом фоне совпадение данных форм выступает как стилистически окрашенное — формы вин. мн., совпадающие с формами род. мн., предстают как специфические русизмы (вожлуквализмы, недопустимые в церковнославянском). Именно так, например, трактует подобные формы Федор Полликарпов в «Технологии» 1725 г. ([22, с. 97]; ср. [41, с. 107] — авторство Полликарпова установлено Е. Э. Бабаевой); аналогичное замечание в отношении форм прилагательных «можно найти и у Смотрицкого — Смотрицкий рассматривает совпадение форм вин. мн. и род. мн. именно как свойство «простого» языка [20, л. 1/107об.; 21, л. 151]. Напротив, формы вин. мн. одушевленных имен, совпадающие с формами им. мн., выступают как более архаичные и относительно близкие к церковнославянским — в принципе они могут восприниматься вообще как славянизмы.

Вслед за Смотрицким, Лудольф констатирует формальное различие одушевленных и неодушевленных существительных в ед. числе, однако во мн. числе форма вин. падежа одушевленных существительных (так же, как и неодушевленных) всякий раз совпадает у него с формой им. падежа — это проявляется как в образцах парадигм (*жены*, *лошади*, *князѣи* [8, с. 15, 18]), так и в примерах разговорной речи (*гости*, *товарищи*, *гуляшники*, *неприятѣи* [8, с. 49, 63, 75]). Неясно, отражают ли рекомендации Лудольфа диалектное явление (см. об архаических говорах, где категория одушевленности последовательно проявляется лишь в формах ед. числа [23]; ср. [24]) или же он оказывается в данном случае под влиянием церковнославянской грамматики, которую он определенным образом упрощает). В принципе возможны оба объяснения, причем

В целом ряде случаев мы находим у Соёе принципиально новую грамматическую информацию, отсутствующую у Лудольфа. Примером может служить описание будущего времени. Если Лудольф говорит только об аналитических формах будущего времени, образуемых с помощью вспомогательных глаголов *быть* и *стать* (конструкции «*буду* + инфинитив» и «*стану* + инфинитив» [8, с. 27, 30]), то Соёе специально оговаривает возможность образования синтетической формы (с помощью приставки) и уточняет значения аналитических форм: конструкция «*стану* + инфинитив» соотносится им с ближайшим будущим («*quand on parle d'une action qu'on va faire sur le champ*»), конструкция «*буду* + инфинитив» — с относительно отдаленным будущим («*quand on parle d'une action qu'on fera dans peu*») (I, 120—122). Таким образом, аналитические формы будущего времени предстают как семантически маркированные, они выражают ту или иную степень близости к моменту речи; просто будущее время, т. е. немаркированное будущее («*quand on parle d'une chose qu'on doit faire sans determiner le temps*»), выражается, согласно Соёе, синтетической формой (I, 120). В дальнейшем, приводя парадигмы спряжения, Соёе постоянно дает французские соответствия типа *учитью* «*j'estimerai (un jour)*», *буду учитью* «*j'estimerai (dans peu)*», *стану учитью* «*j'estimerai (tout à l'heure)*» (I, 173—174); *забуду* «*j'oublierai (un jour)*», *буду забывать* «*j'oublierai (dans peu)*», *стану забывать* «*j'oublierai (tout à l'heure)*» (I, 287—288) и т. п.; выражение *un jour* относится при этом именно к недифференцированному будущему.

Не менее любопытна трактовка прошедшего времени. Как мы уже упоминали, Соёе, в отличие от Лудольфа, выделяет два прошедших времени, которые он определяет как «перфект» и «имперфект» — в разряд имперфекта попадают при этом формы итератива или несовершенного вида, а также конструкция типа *бывало я читаю*, которая, по словам Соёе, принадлежит исключительно разговорной речи (I, 117—118). Напротив, употребление форм итератива (*ночевовалъ, дивовался* и т. п.) в специальном значении давнопрошедшего времени — при обозначении действия или состояния, относящегося к отдаленному прошлому, — в принципе характерно для традиции приказного, т. е. письменного языка (ср. [25]). Во всяком случае трактовка форм итератива как форм какого-то особого прошедшего времени вписывается в достаточно устойчивую грамматическую традицию. Уже Дмитрий Герасимов в «Донатусе» 1522 г. квалифицирует такие формы (*люблѣвах, учѣвах, хачѣвах* и т. п.) как формы «минувшего пресовершенного» времени, соотнося их с латинским плюсквамперфектом [26]. «Донатус» представляет собой описание церковнославянского языка, однако подобные формы имеют вполне очевидный русский субстрат [27, 28]. Именно Соёе впервые отмечает данное явление как факт русского языка, и в дальнейшем оно неоднократно фиксируется в русских грамматиках. Так, Федор Поликарпов в «Технологии» 1725 г. относит формы итератива к особому «мимомедшему» времени, которое он выделяет в русском языке

они не обязательно противоречат друг другу: диалектная речь может создавать условия для восприятия церковнославянской грамматики. Во всяком случае Соёе, несомненно, мог ассоциировать приводимые Лудольфом формы с книжной, церковнославянской языковой стихией. Соответственно, Соёе повторяет рекомендации Лудольфа (приводя формы *вин. мн.*, *омонимичные им. мн.*), однако дополняет их альтернативными решениями (приводя варианты формы *вин. мн.*, *омонимичные род. мн.*). Соёе, по всей видимости, стремится объединить в одной парадигме славянизмы и русизмы, представив их как допустимые варианты; в данном случае такое объединение неправомерно, однако нас интересует прежде всего дескриптивная стратегия Соёе как кодификатора русского литературного языка.

наряду с «прешедшим» и «преходящим»: «прешедшее» время соотносится с формами прошедшего времени совершенного вида (*написалъ*), «преходящее» время — с формами прошедшего времени несовершенного вида (*писалъ*), тогда как к «мимошедшему» времени относятся формы типа *писывалъ* ([22, с. 124]; ср. [11, с. 108].) Поликарпов специально подчеркивает при этом, что «мимошедшее» время принадлежит исключительно «простому», т. е. русскому языку, и приписывает ему значение давнопрошедшего времени: «мимошедшее, еже простѣ точию употребляемо,— что давно дѣлывалъ» ([22, с. 107]; ср. еще грамматику Поликарпова 1724 года [29] — авторство Поликарпова установлено Е. Э. Бабаевой, ей же принадлежит и хронологическая атрибуция этого сочинения). Позднее Адогуров в своей грамматике 1738—1740 гг. расчленяет, как и Со́е, прошедшее время на «перфект» и «имперфект», относя к имперфекту формы итератива, ср. перфект *я любилъ* — имперфект *я любливалъ* и т. п. [30]¹¹. Наконец, и Ломоносов в «Российской грамматике» (§ 268, 316, 360, 362, 380, 396, 407, 422, 425) трактует такие формы, как *тряхивалъ*, *брасывалъ* и т. п., как формы «давно прошедшего» времени [14, с. 480, 491, 502, 507, 514, 518, 527, 534, 536, ср. с. 680, 698]. При этом Ломоносов объединяет в рамках «давно прошедшего» времени итеративные глагольные формы и конструкции со словом *бывало* (*глатывалъ* — *бывало глоталъ* — *бывало глатывалъ*). Как видим, это довольно близко к тому, что говорит Со́е, — разница только в том, что Со́е ассоциирует с формой итератива конструкцию «*бывало* + личная форма наст. времени», а Ломоносов — конструкцию «*бывало* + личная форма прош. времени»¹².

Особенно содержательны разделы грамматики Со́е, посвященные степеням сравнения (I, 62—66, 79—87). Указания Лудольфа на этот счет крайне скудны (см. [8, с. 20]), и Со́е здесь вполне оригинален. Так, Со́е кодифицирует формы сравнительной степени на *-ѣ* (*холодѣе*, *лукавѣе*); при этом он полагает, что такого рода формы образуются только от прилагательных с основой на *л, м, н, р, в, у, п* (I, 64, 79—80). Равным образом он фиксирует аналитические формы сравнительной степени, образуемые с помощью слов *болѣе* и *вяще* (*болѣе лукавий* или *вяще лукавий*), а также аналитическую форму превосходной степени, образуемую с помощью слова *самой* (*самой лукавий*) (I, 83, 86). Одновременно отмечаются синтетические формы превосходной степени на *-ѣйш-*, *-айш-*; любопытно, что в то время как Лудольф трактует такие формы как славянизмы [8, с. 20], Со́е может образовывать их от полногласных основ, ср. *молотѣйшій* и т. п. (I, 65—66, 84) — впрочем, для слова «короткий» он дает парадигму *короткой* — *коротчи* — *кратчайшій*, где полногласная основа преобразуется в неполногласную, подобно тому как это происходит и в современном русском литературном языке. Необходимо подчеркнуть, что степени сравнения — это та область именной морфологии, где особенно отчетливо и наглядно проявляется противопоставление церковнославянского и русского языка (ср. специальные замечания Федора Поликарпова по этому поводу в его «Технологии» 1725 г. [22, с. 97]; ср. [11, с. 107]). Тем самым указания Со́е оказываются в данном случае исключительно информативными — в целом они свидетельствуют о его принципиальной ориентации именно на русский языковой полюс.

¹¹ Соответствующие разделы грамматики Адогурова дошли до нас в шведском переводе Михаила Грёнинга (см. [2]).

¹² В одном случае, впрочем, Ломоносов фиксирует в своей грамматике (§ 536) и конструкцию с настоящим временем, относя ее — подобно Со́е — к просторечию [14, с. 568, ср. с. 700].

Несомненной заслугой Со́е является выделение деепричастий, которые он определяет как «герундив 1-го вида» («Le premier gerondif» — I, 133—136; ср.: II, 139—141). Со́е различает при этом деепричастия наст. времени на -я (*любя*) и деепричастия прош. времени на -въ (*любивъ*). И в этом отношении Со́е также не имеет предшественников¹³.

Как явствует уже из посвящения и предисловия к грамматике, Со́е видит свою задачу прежде всего в том, чтобы свести структуру русского языка к системе четких и надежных п р а в и л, позволяющих образовать одни формы из других (л. Bv—C, Cv—D, L). В какой-то мере эту задачу ставит перед собой и Лудольф, однако Лудольф уже в предисловии подчеркивает, что он не в состоянии это сделать сколько-нибудь последовательным и исчерпывающим образом: «Кто внимательно всмотрится в этот язык, тот заметит, как трудно привести его к определенным грамматическим правилам. . .» («Quicunque linguam hanc accuratius inspexerit, & consideravit, quam difficulter ad certas regulas grammaticas referri queat. . .» [8. л. A/2v]). Между тем Со́е заявляет, что он для русского языка «правилы придасть надежны, въ то время когда хто часту въ своемъ самомъ собственномъ азыкѣ ихъ дать не можетъ» («. . . donner des regles, dans le temps qu'on ne peut pas quelquefois en donner de la sienne propre [langue]» л. Bv—C). Действительно, Со́е идет гораздо дальше Лудольфа в этом отношении: в дополнение к тем правилам формообразования, которые дает Лудольф, Со́е в целом ряде случаев формулирует свои собственные правила, у Лудольфа отсутствующие. Так, например, он подробно описывает образование причастий и деепричастий. Согласно Со́е, причастия наст. времени действ. залога в 1-м спряжении образуются от формы индикатива 1-го лица ед. числа наст. времени прибавлением окончания -щи (*ночую* + -щи = *ночующи*); во 2-м же спряжении они образуются от формы индикатива 3-го лица мн. числа наст. времени заменой окончания -тъ на -щи [(*любятъ* — *тъ*) + *щи* = *любящи*]; причастия прош. времени действит. залога образуются от формы индикатива прош. времени заменой окончания -лъ на -виий [(*любилъ* — *лъ*) + *виий* = *любивиий*] (I, 130—133). Причастия наст. времени страдат. залога образуются от формы индикатива 1-го лица мн. числа наст. времени прибавлением окончания -ый (*любимъ* + *ый* = *любимый*); причастия прош. времени страдат. залога в 1-м спряжении образуются от формы индикатива прош. времени заменой окончания -лъ на -нный (-н) или -тый (-тъ) [(*резалъ* — *лъ*) + *нный* = *резанный*], [(*взялъ* — *лъ*) + *тый* = *взятый*]; во 2-м спряжении они образуются заменой окончания -илъ на -енный (-енъ) [(*любилъ* — *илъ*) + *енный* = *любенный*], причем отмечается, что те глаголы, которые имеют вставное -л- в форме индикатива 1-го лица ед. числа наст. времени, могут получать такую же вставку [(*купи лъ* — *илъ*) + *л* + *енный* = *купленный*] (I, 137—141). Деепричастия наст. времени образуются от формы индикатива 1-го лица ед. числа наст. времени заменой окончания -у (-ю) на -я [(*жгу* — *у*) + *я* = *жгя*], [(*ночую* — *ю*) + *я* = *ночуж*] или же от формы 3-го лица мн. числа наст. времени отъятием

¹³ Правда, о «деепричастиях» говорит уже Смотрицкий, однако он понимает под деепричастиями нечто другое, а именно формы им. падежа кратких (усеченных) причастий, согласуемых по роду и числу (120, л. O/8 — 8v, II/1v — 3, P/2 — 3v, C/3 — 3v, Y/3 — 3v, Ф/1, III/3v — 4v; 21, л. 198, 199v — 201, 210—212, 220v — 221v, 242—243, 259v, 312—313; ср. [31]). Вслед за Смотрицким о «деепричастиях» говорит и Федор Максимов [32]. Максимов в принципе понимает под «деепричастиями» то же, что и Смотрицкий, однако, поясняя их употребление в церковнославянском языке, он приводит параллельные «простые» формы, ср. ц.-слав. *сѣдѣ* — «простѣ» *сѣдѣчи* и т. п.; тем не менее категория «деепричастий» не выделяется у Максимова как особая категория «простого» языка

окончания *-тъ* (*любятъ — тъ = любя*); деепричастия прош. времени образуются от формы индикатива прош. времени заменой окончания *-лъ* на *-въ* (*любилъ — ль*) + *въ = любивъ* (I, 134—136). В итоге выстраивается сложная иерархия форм, которые находятся в отношении деривационной зависимости — своего рода порождающая грамматика. Замечательно, что случаи иррегулярного формообразования, не подпадающие под те или иные правила, Соје может объяснять как результат церковнославянско-русской интерференции. Именно таким образом он объясняет, например, случаи иррегулярного образования степеней сравнения — приводя примеры сушлестивных форм сравнительной степени, Соје считает, что они образованы от церковнославянских (не от русских) прилагательных, которые он при этом и реконструирует; так, от прилагательного *великой* сравнительная степень *болии*, которая образована от церковнославянского *болой* «великий»; равный образом форма *мении* образована не от русского прилагательного *малой*, с которым она входит в парадигматические отношения, а от церковнославянского *меной*; форма *лутчи* образована не от русского прилагательного *доброй*, а от церковнославянского *лутой*; и т. п. (I, 82—83). Иначе говоря, предполагается, что в подобных случаях имеет место контаминация русских и церковнославянских форм, которые объединяются в одной парадигме. Это остроумное решение вопроса, хотя и неверное.

Понятно, что увлечение правилами в отрыве от живого употребления способствует появлению искусственно образованных форм, не соответствующих реальным фактам русского языка: подобные формы представляют собой, так сказать, неизбежные издержки производства. Такого рода примеры нередки у Соје, будь то формы типа *знаю* (1 лицо ед. числа наст. времени от *знать* — I, 124), *встая* (деепричастие от *встать* — I, 357) или такие образования, как *буду пустить*, *буду дать* и т. п. (I, 239, 359 и др.); ср. и у Лудольфа *буду зѣлать* [8, с. 30]. Чисто искусственным, кабинетным образованием являются, конечно, и формы причастий будущего времени (*будуци писать* — I, 133, 158 и сл.), которые у Лудольфа отсутствуют.

Очень ценны стилистические указания Соје: приводя те или иные формы, он отмечает иногда их специфически разговорную окраску — такое указание мы встречаем, например, относительно конструкций «*бывало* + личная форма наст. времени» (*бывало я читаю* и т. п. — I, 118) или уменьшительных форм имен существительных (I, 49—50). В отличие от Лудольфа [8, с. 21], Соје не говорит, что уменьшительные формы собственных имен выступают в русском языке (в эпистолярном стиле) как специальные формы вежливости, и это легко понять, поскольку в нач. XVIII в. эта манера уже выходит из употребления [33]: 30 декабря 1701 г. было официально запрещено подписываться уменьшительными именами [34]; Соје замечает, вместе с тем, что в разговорной речи уменьшительные формы существительных могут употребляться с особой модальностью — их употребляют, когда говорят о том, что не представляет для говорящего специального интереса («*en parlant de choses indifférentes*» — I, 50). Что касается различий между славянизмами и русизмами, то здесь Соје в основном следует Лудольфу (I, 30—33; ср. [8, с. 4—5]), однако в одном случае он делает важное дополнение, указывая, что церковнославянскому окончанию инфинитива *-ти* соответствует русское окончание *-тъ* (I, 130). Это указание не так тривиально, как может показаться, — достаточно упомянуть, что Сумароков и Барсов считают форму инфинитива на *-ти* собственно русской формой [10, с. 177].

4. Итак, основным источником является для Соје грамматика Лудоль-

фа. Как известно, Лудольф доводит свою грамматику до синтаксиса — вместо синтаксиса он дает примеры фраз на русском языке (образцы русской диалогической речи). Сойе поступает иначе: описанию русского синтаксиса он посвящает вторую часть своего сочинения, которая, в отличие от первой части, именуется не собственно «грамматикой», а «методом». Разница в названиях подчеркивает различную направленность обеих частей — если «грамматика» в принципе имеет систематический характер, то «метод» имеет характер практический. Задача «грамматики» — классификация языкового материала, т. е. его анализ; задача «метода» — организация текста, т. е. его синтез. Эта последняя задача решается путем сопоставления русского языка с французским, т. е. задаются правила преобразования французского текста в русский текст. Речь идет, таким образом, о строении русской фразы (по сравнению с французской) и о правилах ее порождения (отправляясь от французского языкового материала). Эта часть грамматики Сойе написана целиком в русле традиции картезианской лингвистики, идущей от универсальной грамматики аббатства Пор-Рояль.

Описание Сойе имеет в данном случае не обобщающий, а вполне частный характер — оно целиком посвящено русским соответствиям тех или иных французских синтаксических показателей (грамматических слов и конструкций). Но это объясняется именно представлениями об универсальной природе всех вообще языков: предполагается, что на синтаксическом уровне французский и русский языки имеют одну природу и расходятся лишь в частности — как раз этими частностями Сойе и занимается. В современных терминах можно было бы сказать, что они (языки) совпадают по своей глубинной синтаксической структуре, но расходятся на внешнем уровне, по своей поверхностной структуре (ср. [35]). Такой подход предполагает прежде всего выяснение глубинной структуры французского языка, т. е. того языка, с которым сравнивается русский; иначе говоря, для того, чтобы описать правила порождения русского текста, необходимо предпринять внутреннюю реконструкцию исходного (французского) речевого материала. Французский язык, через сопоставление с которым строится описание русского синтаксиса, оказывается при этом одновременно и метаязыком (языком описания), и языком-объектом (предметом описания): он оказывается языком описания постольку, поскольку через него описывается русский язык; он оказывается предметом описания постольку, поскольку для того, чтобы стать языком описания, он сам нуждается в анализе — в вычлениении (реконструкции) глубинной структуры.

Как это проявляется? Положим, нам надо определить, как передается на русском языке слово *qui*. Для этого прежде всего необходимо выяснить, какие значения это слово имеет во французском языке, — ясно, что разные его значения могут в принципе передаваться разными способами. Выясняется, что это слово может выступать как вопросительное или указательное местоимение или же как местоимение относительное; затем устанавливается, что в первом случае оно передается по-русски словами *кто* или *что*, во втором случае — словами *которой*, *которая*, *которое* или *иже*, *яже*, *еже* (II, 3 сл.). Это элементарный пример, но в принципе так же устанавливаются и более сложные соответствия, которые предполагают рассмотрение специфической сочетаемости как исходного французского слова, так и его русского коррелята. При этом может оказаться, что во французском языке в определенных ситуациях вместо *qui* употребляется какое-то другое слово — например, местоимение *lequel* (II, 9—10). Тем самым оказывается, что *qui* в данном случае — это обозначение логического конструкта, т. е. элемент метаязыка (или, если угодно, компонент глубинной струк-

туры); в других же случаях *qui* — это описываемое явление, т. е. элемент языка-объекта. Если в приведенном примере *qui* выступает как элемент метаязыка по отношению к фактам французского языка, то в других случаях *qui* может выступать в подобной функции по отношению к фактам языка русского. Как видим, описание такого рода предполагает достаточно сложные логические операции.

Поскольку рассматриваемые французские слова и конструкции (типа *qui* в только что разобранным примере) принадлежат метаязыку, Соёе может, формулируя то или иное правило (обеспечивающее переход от французского текста к русскому), свободно соединять их с русскими словами. Так, например, он может констатировать, что при выражении сомнения после глаголов *douter, deliberer, demander, interroger, considerer, ne savoir* ставится частица *ли*, которая сочетается с каким-то другим глаголом в форме индикатива (II, 196); или что слово *que* после *едва* или *еще не* превращается в *какъ* или *когда* (II, 270). Точно так же, обсуждая слово *sans* и способы его передачи на русском языке, Соёе замечает, что при наличии предшествующего отрицания это слово преобразуется — в русском, не во французском языке! — в слово *que*, которое по-русски передается как *чтобы* (II, 173—174); рассматривая местоимения *que* и *quel* в начале фразы, выражающей восхищение или вопрос, он говорит, что эти местоимения могут превращаться в слово *combien*, которое по-русски передается словами *коль, сколь, сколько* (II, 35); относительно местоимения *on*, стоящего в начале фразы после союзов *quand* или *lorsque*, нам сообщается, что оно преобразуется в *celui qui*, т. е. *кто* (II, 119); и т. д. и т. п. Совершенно очевидно, что, называя французские слова, Соёе имеет в виду в подобных случаях как сами эти слова, так и их русские эквиваленты; точнее было бы сказать, что он называет элементы универсальной грамматики, общей для обоих языков. Именно представление о единой природе русского и французского языков — как и всех других языков человеческого общества — позволяет ему свободно варьировать средства выражения, переходя от французских языковых средств к русским, и наоборот. Равным образом, формулируя правила перехода от французского текста к русскому, Соёе последовательно применяет эти правила и на французском языковом материале, демонстрируя с помощью французских языковых средств, как можно говорить по-русски, — французские слова оказываются организованными при этом по русским синтаксическим моделям. Эти французские фразы, построенные на русский манер и представляющие собой буквальный (дословный) перевод соответствующих русских фраз, играют двойную роль: с одной стороны, они облегчают понимание приводимых русских примеров (т. е. помогают разобраться в них читателю-французу), с другой же стороны, эти фразы на ломаном французском языке фиксируют как бы промежуточную ступень при переходе от правильной (исходной) французской фразы к правильной русской.

Правила синтаксического преобразования, которые формулирует Соёе, могут разительно напоминать процедуры порождающей грамматики. Эти правила, как мы видели, могут прилагаться к французскому языку, и в этом случае они предназначены для преобразования французской фразы в русскую. Однако они могут прилагаться и к русскому языку, и тогда они предназначены для систематического (иерархического) представления русского синтаксиса. Так, констатируя, например, что местоимение *quel* в начале вопросительного предложения передается по-русски словами *которой* или *какой* (II, с. 27 сл.), Соёе указывает затем, что эти русские слова могут заменяться словом *что* (II, 33) — перед нами последователь-

ная цепочка трансформаций уже в рамках русского языка. Или другой, более сложный пример: нам сообщается, что слова *que* и *de* после таких слов или выражений, как *avoir soin, tâcher, faire en sorte, faire ses efforts, prendre garde, observer, tenir la main, songer, prier*, передается через *чтобы* или *дабы*, причем последующий глагол ставится в сослагательном наклонении (II, 47 сл.). Далее отмечается, что в определенных условиях форма сослагательного наклонения в такого рода фразах заменяется формой инфинитива (II, 55—57). При этом оказывается, что в конструкциях с инфинитивом исходные французские слова (*que* и *de*) могут передаваться не через *чтобы* и *дабы*, а с помощью союза *какъ* (II, 57—58). Наконец, выясняется, что глагол в форме инфинитива может непосредственно присоединяться к предшествующему глаголу, т. е. без помощи какого бы то ни было союза (II, 59—61). В дополнение ко всему мы узнаем, что после глагола *prier* (имеется в виду русский глагол, соответствующий исходному французскому слову) форма инфинитива может заменяться формой императива (II, 62—65). Такой подход позволяет нашему автору систематически организовать русские синтаксические конструкции, расположить их в иерархической последовательности.

Формулируемые Сойе правила — правила превращения французской фразы в русскую фразу — могут иметь достаточно сложную логическую структуру. Ядро правила составляет замена того или иного французского слова (или группы слов) на соответствующее русское. Предварительно определяются условия такой замены: они формулируются на французском материале и относятся к глубинной структуре предложения. В дальнейшем указываются синтаксические преобразования, автоматически происходящие в результате данной замены уже в рамках русского языка, — эти преобразования относятся, напротив, к поверхностной структуре предложения. Если при этом возможны различные преобразования, они могут быть организованы по модели порождающей грамматики, т. е. быть представлены в виде последовательной цепочки трансформаций. Например:

Условие замены	Замена	Следствие замены
После глаголов: <i>craindre,</i> <i>appréhender,</i> <i>avoir peur</i>	Заменить <i>que</i> на <i>чтобы</i>	Последующий глагол принимает форму сослагательного наклонения Форма сослагательного наклонения может быть заменена формой инфинитива

Ср.: *Je crains qu'on n'ait fermé la porte* — Боюсь чтобы ворота не заперли; *Je crains que je ne m'enivre* — Боюсь чтобы не напиться (II, 86—89).

Как видим, рассматриваемая грамматика представляет интерес не только как опыт описания русского языка начала XVIII в., но и в чисто теоретическом плане: ее автор предстает перед нами как талантливый лингвист-теоретик.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Unbegaun B. O.* Russian Grammars before Lomonosov // Oxford Slavonic Papers. 1958. VIII.
2. *Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на родном языке. М., 1975.
3. *P[è]re Martt[us]nof, S. J.* Les manuscrits slaves de la bibliothèque impériale. P., 1858. P. 34—36.
4. *Dobrowsky J.* Institutiones linguae slavicae dialecti veteris... Vindobona, 1822. P. LXII.
5. *Mazon A.* L'abbé Gabriel Girard, grammairien et russisant // Revue des études slaves. 1958. T. XXXV. Fasc. 1—4. P. 28—29. (note 4).

6. [L'abbé Jourdain]. Memoire historique sur la Bibliothèque du Roy // Catalogue des livres imprimez de la Bibliothèque du Roy. Theologie. 1ere Partie. P., 1739. P. 56—58.
7. Omont H. La Bibliothèque du roi au début du règne de Louis XV. Journal de l'abbé Jourdain, secrétaire de la Bibliothèque // Mémoires de la Société de l'histoire de Paris et de l'Ile-de-France. 1893. T. XX. P. 218.
8. Ludolf H. W. Grammatica Russica quæ continet non tantum præcipua fundamenta Russicæ linguæ, verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam Slavonicam. Oxford, 1696.
9. Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. М., 1985. С. 3—4.
10. Живов В., Успенский Б. Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII века // International Journal of Slavic linguistics and poetics, 1983. XXVIII. P. 153.
11. Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.
12. Veyrenc J. Histoire de la slavistique française // Beiträge zur Geschichte der Slawistik in nichtslawischen Ländern / Hrsg. von J. Hamm und G. Wytrzens. Wien, 1985. P. 245.
13. Успенский Б. А. Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова // Semiotyka i struktura tekstu / Pod red. Maeyenowej M. R. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973.
14. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. VII. М.—Л., 1952.
15. Грамматика Российская, сочиненная Императорскою Российскою Академиею. СПб., 1802. С. 77.
16. Успенский Б. А. К истории одной эниграммы Тредиаковского // Russian linguistics. 1984. VIII. P. 79—80, 104—106.
17. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.) М., 1965. С. 280.
18. Тредьяковский [В. К.] Соч. Т. III. СПб., 1849, с. 62, 197, 224—225, 230.
19. Вомперский В. П. Ненапечатанная статья В. К. Тредиаковского «О множественном прилагательных целых имен окончаний» // ФН. 1968. № 5. С. 87—89.
20. Смотриский Мелетий. Грамматикѣ Славенския правильное Свѣтагма. Евѣе, 1619.
21. [Смотрицкий Мелетий]. Грамматика. М., 1648.
22. [Шоликарнов Федор]. Технологія то есть художное собѣдованіе о грамматическом художествѣ, собранное вопросо-отвѣтами по алфавиту числительному в пользу любителей отроческаго в дѣто 1725. Рукопись Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, НСРК F 1921.60.
23. Пеньковский А. Б. Заметки о категории одушевленности в русских говорах // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 152—163.
24. Grannes A. Impersona Animacy in 18th century Russian // Russian linguistics. 1984. VIII. P. 295—311.
25. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953. С. 262.
26. Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб., 1896 (оттиск из «Исследований по русскому языку», I. СПб., 1885—1895). С. 566—567, 572, 583.
27. Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959. С. 263—265.
28. Живов В. Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник // Russian linguistics. 1986. X. P. 103—105.
29. [Шоликарнов Федор]. [Грамматика]. Рукопись Центрального гос. архива древних актов, собр. Оболенского № 6, л. 230.
30. Groening M. Россійская грамматика. Thet är Grammatica russica... Stockholm, 1750. P. 128, 130, 137, 138.
31. Запольская Н. Н. «Усеченные» причастия в русском литературном языке XVIII в. // Вестник МГУ. Сер. филолог. 1985. № 3. С. 39.
32. [Максимов Федор]. Грамматика славенская въ кратцѣ собранная въ Греко-славенской школѣ, яже въ великомѣ Новѣградѣ при домѣ Архіерейскомѣ. СПб., 1723. С. 128.
33. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 2-е изд. М., 1938. С. 56.
34. Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е]. Т. IV. СПб., 1830. С. 181 (№ 1884).
35. Chomsky N. Cartesian linguistics. N. Y.—L. 1966. P. 35 ff.